

Николаенко Н. В.

Крымский период в раннем творчестве Гайто Газданова

В статье рассмотрены и проанализированы экзистенциальные мотивы в творчестве Гайто Газданова. Рассмотрена его связь с отечественными и европейскими мыслителями, обозначено движение от субъективной к объективированной прозе.

Ключевые слова: Гайто Газданов, проза, мотивы, эмиграция.

*Абсурдность становится
болезненной страстью с того
момента, как осознается.*

(Альбер Камю)

Актуальность. История культуры российской эмиграции является малоизученной областью, что неоднократно с сожалением подчеркивалось представителями как последнего, так и младшего поколений самих эмигрантов. Монография «Россия за рубежом (1019-1939)» М. Раева (перевод с английского, М., 1994 – своего рода энциклопедия эмиграции), является уже классикой, однако широкий спектр предложенных здесь направлений не позволил уделить равное внимание представленным (зачастую лишь бегло упомянутым) персоналиям, очевидно заслуживающим большего (Г. Газданов, Б. Поплавский, Н. Берберова, Л. Зандер, В. Яновский).

Цель. Данное исследование является попыткой проанализировать заявленные позиции Г. Газданова, его мистическую связь с отечественными и европейскими мыслителями, обозначить непростое движение от субъективной к объективированной прозе.

Творчество Гайто Газданова (1903-1971), в неполные семнадцать лет покинувшего Россию вместе с Белой армией, долгие годы было известно нам фрагментарно, его имя упоминалось исключительно в отрицательном контексте (белоэмигрант, сотрудник радио «Свобода»). Человек стойких жизненных позиций (солдат, таксист, журналист, философ, функционер французского

Сопротивления, видный масон), он ярко воплощал тип российского интеллигента на западный манер. Осетин по рождению, Газданов впитал русскую культуру с детства (проведенного в Санкт-Петербурге), а затем приобрел познания и европейские (учился в Сорбонне).

Уже первые произведения (роман «Вечер у Клэр», отдельные рассказы) резко выделяют Газданова из русской литературной среды Парижа. Критика немедленно отметила общие места с Достоевским, Кафкой, Прустом, а впоследствии будет не раз ставить рядом с его именем представителей плеяды известных французских экзистенциалистов (справедливо, но не всегда доказательно)*. Это заметно раздражало Газданова, который не раз насмешливо отзывался о комментаторах всех разновидностей или, скажем, о литературоведении как предмете, справедливо предполагая неизбежный налет наукообразности, присущий гуманитарной специализации («узнал, что есть такое словечко – «компонент» [1, с. 291]). Его поддерживал и сопровождал тезис А. Камю: «Вера в абсурдность существования должна быть руководством к действию» [2, с. 26], и представление, что мир «непрозрачен для нашего разума» у Газданова принимает оборот самодовлеющий**, ибо фатально нарушалось «наиважнейшее правило – не пытаться заглянуть в себя; нет более опасной ошибки. Настоящего себя надо искать в глазах других» [3, с. 26].

Газданов не просто заглядывал в себя, он заставлял это делать своих героев. Почти все его произведения автобиографичны, и можно смело сказать, являются как бы одним большим романом: поднимаются те же проблемы, мы вновь буквально окунаемся в рассуждения о реальном и видимом, о «сущем» и «былом»***. Ценность этих размышлений – в глубине и оригинальности, эмоциональной насыщенности. Переключка с жизненным обликом самого Газданова очевидна: «В глубине моего сознания ни на минуту не прекращалась глухая, безмолвная борьба, в которой я сам почти не играл никакой роли...

* Эмигрантская критика представлена именами Г.Струве, Ю.Иваска, М.Слонима. Из специальных исследований отметим монографию Л.Дьенеша (США), а также работы В.Иванова, И.Ерыкаловой, Ст.Никоненко, Е.Петтиновой.

** см., например: Мартынов А. Газданов и Камю. М., 2000 (полагаю, параллели с А.Камю имеют сугубо типологические проблемы)

*** *ens: rei.*

Память чувств, а не мысли была неизмеримо более богатой и сильной» [4, с. 20].

Последняя фраза в данном случае приоткрывает ту самую тайну, о которой он говорит постоянно: «Мне всю жизнь казалось, что я знаю какую-то тайну, которой не знают другие» [4, с. 26]. «Память чувств» – название этой тайны. Все видимые события насыщенной жизни воспринимаются своеобразно, он привыкает жить в последней действительности, восстановленной воображением. Не он один таков, скажем мы, и будем правы, но Газданов – человек высокой культуры, и порядок осмысления, который используется, порождает творческий импульс. Автор словно присутствует (по его словам) на безмолвном концерте Красоты, которая окружает нас повсюду, и остро чувствует ее несовершенство и недолговечность. Впечатлительность приводит к психологическому надлому героя, но странным образом порождает при этом как раз тот оптимизм, который приходит к человеку «понимающему» как раз в редкие минуты прозрения бездны. Парадокс привлекателен, и Газданов объясняет его просто: «Кроме того, мою внутреннюю жизнь я любил больше, чем другие» [4, с. 54]. Это очевидно, т. к. «второе мое существо» безусловно одарено способностью бесчисленных превращений и возможностей, что и является сутью писательской деятельности, а ведь Газданов еще и философ (как не вспомнить А. Камю: «Хочешь стать философом – пиши романы»).

Один из таких романов – «Вечер у Клэр» (ранний, написанный в 26 лет). Джанкой, Севастополь, Феодосия, сивашские степи, площадка бронепоезда, на котором служил юный Газданов, вереница солдат, офицеров, случайных женщин – вся эта пестрая мозаика лишь фон напряженной внутренней жизни, которая изредка прерывается, ненадолго исчезает и неизменно возвращается. Психологическая убедительность автора глубока, сюжеты и коллизии этой самой внутренней жизни, воображаемого мира захватывают и не отпускают, мы принимаем его *mundus sencibilis**. В отличие, скажем, от героя Ж.-П. Сартра («Детство хозяина»), который ищет ответ, только чтобы разобраться и войти во

* мир, воспринимаемый чувствами

внешнюю практическую жизнь, герой Газданова выглядит более цельным, т. к. полагает, что *воображаемая* часть жизни и есть *основная* часть жизни.

Свободная повествовательная манера потока сознания романа-воспоминания, углубленное мироощущение автора-героя бесспорно привлекательны еще с одной стороны: здесь нет ощущения безответственности, которая должна бы зримо проявляться (по определению). Но Газданову удается вовремя остановиться, переключить внимание на внешнюю канву событий, и тем самым ускользнуть от соблазна обширных отвлеченных рассуждений и постановки (одновременно) лобовых вопросов. Чувство меры и вкуса органично, что далеко не всегда проявляется в «медитативной прозе» (т. е. размышлений–рефлексов, сопровождающих впечатление и переполняющих объективную сюжетность). Л. Ржевский в «Новом журнале» совершенно справедливо отмечал, что западно-литературная природа здесь определена, но лиризм медитаций у Газданова был русский неоспоримо» [1, с. 292].

Осознание невозможности проникнуть в сущность отвлеченных идей не мешает герою Газданова «жить в прошедшей действительности», но не просто жить, а вести методичный поиск этой «невозможности». Здесь на первое место выходит тот феномен, который остроумно подметил поэт и критик В. Ходасевич – «мистическое гурманство»: ведь для Газданова совершенно очевидно, что «власть моя в прошедшей действительности, восстановленной воображением, была неограниченна» [4, с. 54]. Это свойство привлекательно вдвойне, учитывая время и место реального существования, полного тревоги и разочарования (1920 г., Крым). Единственная признаваемая опасность – *собственное уничтожение этого внутреннего мира* – тревожит героя всерьез, что придает ему еще большую значимость (очевидность соотнесения экзистенциального мышления Газданова с творчеством великих предшественников философии существования – Ф. Достоевского и позднего Л. Толстого).

Крым занимает весомое место в произведениях Газданова, особенно раннего. Последняя русская земля, поражение, драмы и пошлости бегства

безусловно способствуют этому, и было бы удивительно видеть иное (как и у Набокова, столь же юного и более иронично настроенного, находим схожие крымские отголоски), однако Газданов придает им мистическое значение. Этот калейдоскоп не сам по себе любопытен, но только с подмеченными нюансами и странностями, которые неожиданно попадают в круг писательских пристрастий. Все чрезвычайно иллюзорно, и если бы не точная топография, можно и не признать города, столь непривычен он в описании. Всегдашний газдановский литературный прием (размытость впечатления при точном обозначении) напоминает почитаемого им Мориса Утрилло с монмартровскими пейзажами, весьма отдаленными от реалий, но всегда с точным указанием определенного перекрестка или любимого кафе. Важный для Утрилло мир, важно это и для Газданова, – впечатления: мир принимает формы и цвета, которые им придаются, таким образом, воображаемое и реальное становятся некоей таинственной смесью.

Так принимается действительность, так трактуется суть вещей, их общность и различие. «Здесь также наше восприятие изощряется закрепить в отрывочных образах текущую последовательность реальности...» [5, с. 301], т. е. в сферу интересов попадают неожиданные, на первый взгляд малооправданные поступки, органично находящие объяснение в иное время, в ином месте – все взаимосвязано, все ждет своего разрешения (даже не всегда необходимого). Осознавая абсурдность болезненной страстью (Газданов много и плодотворно размышляет об этом), автор предполагает, однако, что сам по себе мир, как «видимый», так и «сущий», как воображаемый, так и действительный, не абсурден, *он просто неразумен*.

Когда Газданов познакомился с «Жизненным порывом» А. Бергссона, то указал, что определение последнего («мир – внечеловеческая реальность, не имеющая ничего общего с нашими желаниями и нашим разумом» [5, с. 301-302]) найдено и разрешено в литературной плоскости значительно

раньше*. Герой Газданова убежден, что в мире нет окончательного последнего смысла, но приходит к этому инстинктивно, избегая такой постановки: во-первых, «очевидность», во-вторых, «смысл» ему не требуется. Обозначенная позиция (усвоенное от Шестова и Ницше** отрицание всякой идеологии и универсальных рецептов) ярко выражена в его первом романе, и те же экзистенциальные мотивы частично сохраняются в позднем творчестве. Это избавляет героя от тривиальности, и там, где других ждет пустота, здесь приходит наполнение воображаемым. «Бегство от жизни» невозможно, но от избранно отрицаемых реалий окружающего мира – безусловно, что даже не парадокс, ибо решение его сложнее и глубже (никогда не подозреваемой сложностью, не подозреваемое глубиной)*. «Ирония к вечному несоответствию между реальным и воображаемым – это ирония к самому себе», – завещание от Газданова. «Смысл – это фикция, целесообразность – тоже фикция» [4, с. 116], но жить надо не смиряясь с этим, в попытке постичь недостижимое; бороться с суровостью мира, в котором «l'homme es peu de chose» [5, с. 307] («человек так мало значит») и где он так легко стушевывается (газдановская «философия жизни как выживания и сопротивления» неоправданна без иронии).

Символично выглядит последнее видение покидаемой Газдановым родины: «Все дальше и слабее виделся пожар Феодосии, все чище и звучнее становился шум корабельных машин; и потом впервые очнувшись, я заметил, что нет уже России... И если так, то к чему была эта постоянная и напряженная печаль о снегах и зеленых равнинах, и о всем том количестве жизней, которые я проводил в стране, скрывшейся от меня за огненным занавесом?» [4, с. 151-152]. Россия превращается в миф, в сон, и именно здесь скрыты истоки будущего несоответствия между реальным и воображаемым. Друг и литературный собрат Борис Поплавский, обвиняя эмигрантскую раздвоенность, часто сетовал о совершенной тщетности и бесплодности их творческой

* В учении Бергссона сущность жизни непостижима для интеллекта, она улавливается лишь с помощью интуиции; имеется «сценарий», т.е. космическое течение жизни («жизненный порыв»).

** См.: Мартынов А. Газданов и Ницше. – Газданов и мировая литература: Сб. статей. Калининград, 2000.

* Ср.: Шестов Л. (Констатировать абсурд – значит принять его; избавление от рациональных иллюзий – броситься в Бога).

деятельности в лицах: «Вы тоже мистик?» – спрашивает один. «Нет, я просто несчастный человек», – отвечает другой (иронично отсылая к подслушанному разговору) [6, с. 181].

Мистическая жизнь, между тем, полна пугающих противоречий, но в данном случае это не мистика упадка и уж, тем более, ни о какой т.н. соборности искусства речь не велась (любопытно, как тяга к отвлеченному, теряясь в полушаге от абсурда, исключает даже намек на пафос), – взлеты и метафизические падения чужды Газданову. Он твердо выдерживает свою раз и навсегда взятую линию, превратив «богатство впечатлений» в сложные, яркие, прекрасным языком изложенные тексты: «Если делать дело, то надо делать его как следует». Своим «серьезным» делом в этой жизни Газданов называл литературу, однако выбор именно историко-философского факультета Сорбонны подчеркивает природную склонность к отвлеченным проблемам. Нельзя не отметить большое внимание, которое русскими масонами (прежде всего М. Осоргиным) уделялось рассматриваемым в эзотерическом ракурсе проблемам эволюции и космоса. Именно в этом направлении Газданов продолжил свои изыскания (в 1932 г. вступил в масонскую ложу «Северная Звезда» Послушания Великого Востока), где теме смерти отводилось немалое место – роман «Призрак Александра Вольфа» не единственное тому свидетельство. Однако платоновское: «то, что высказывается и мыслится, необходимо должно быть сущим («тем, что есть»), ибо есть бытие, а ничто – не есть» [7, с. 288], оставалось неизменным предметом размышлений.

«Dieu est fou de l'homme» [8, с. 549] вслед за Шеллингом повторяет французскую дерзость Газданов: «Бог помешан на человеке», – значит, человек того стоит, значит, всему «безобразному и извращенному» можно противопоставить эстетику здоровых инстинктов своей природы*. Мистический туман героя Газданова развеивается, лишь осознав «собственную неподвижную готовность к преступлению», что возвращает его к реальному времени, к

* Газданов напоминает притом: «Величие Бога в его непоследовательности» (Лев Шестов, «Апофеоз беспочвенности»)

общему смыслу в подходе к действительности. Герой не захотел или не сумел довести до конца опыт «чистого ощущения» [10, с. 168], не достиг той предельной точки, где, теряя себя всего, он мог бы снова себя обрести.

Движение от субъективной и бессюжетной (здесь и роман «Ночные дороги») к объективированной прозе занимает у Газданова несколько долгих лет. Ключ к балансу между отвлеченным и чувственным будет найден в ожидаемом – любви; как результат – «крушение всего моего мира отвлеченных идей»; герой теперь начинает жить «настоящей жизнью, которая не состояла наполовину – как это всегда было до сих пор – из воспоминаний, сожалений, предчувствий и смутного ожидания...^{**}, все это стало казаться чрезвычайно далеким и чужим» [10, с. 67, 72].

Подобно Достоевскому (в «Идиоте») автор-герой тяготеет своей душевной тревогой, ему удается «переманить на свою сторону... самоочевидности» с единственной целью: «только бы вернуть столь необходимую смертным «гармонию» [11]. Происходит выбор того варианта экзистенциализма, который, «хотя и предполагает абсурд, но демонстрирует его лишь с тем, чтобы тут же его и развеять» [2, с. 98].

Если допустить, что это и есть столь ожидаемая «явная опасность жизни», то и, пожалуй (по праву выбора), но если – заблуждение? Традиционно предполагается, что сосредоточенность на экзистенциальной проблематике губительна, однако большая часть последующих произведений Газданова являет собой пример типичной беллетристики; опыт «чистого ощущения» безнадежно утрачен (скажем, роман «Эвелина и ее друзья»: герой преодолевает свое гасю, и героиня, будучи в поиске «подлинной» любви, в результате устроена как нельзя лучше). Изменившееся (не без рецидива) восприятие экзистенциального прошлого дает свой результат – пути назад закрыты, ибо герой прочно уверовал в окончательность выбора, на самом деле – «неверного

^{**} Вопрос: отчего не называть вещи своими именами, т.е. «фобией»; при этом, как советует С.Дали, – «*passer outre*» (не стоит преувеличивать)

и призрачного», где дополнительная слабость состоит в привлечении *внешнего* для решения *внутреннего*.

Утрата налицо, прежде всего для искушенного читателя, которому предлагаемый выход из «трагизма бытия» не является столь очевидным.

Источники и литература

1. Ржевский Л. Памяти Г. И. Газданова / Л. Ржевский. – М. : «Новый журнал», 1972 - № 106.
2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. - Москва, 1990.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. - Париж, 1943.
4. Газданов Г. Вечер у Клэр / Газданов Гайто // Собр.соч. : В 3 т. Т.1. – 1999.
5. Бергсон А. Творческая эволюция – L'Evolution cretrice / А. Бергсон. - Paris, 1969.
6. Яновский В. Елисейские поля / В. Яновский. – Нью-Йорк, «Воздушные пути», 1996 - №5.
7. Платон. Полное собрание сочинений в 4 т. / Платон // Т. 2. - 1970.
8. Цит. : Schelling. Darstellung des philophischen Empirismus, Ausgew. Werke, Bd. III.
9. Richard J. Poesie et profondeur / J. Richard. - Paris, 1955.
10. Газданов Г. Призрак Александра Вольфа. Собр. соч. : В 3 т. / Газданов Гайто. - 1999, Т.2.
11. Шестов Л. На весах Иова (странствования по думам). Соч. : В 2 т. / Шестов Лев. - М., 1993 - Т.2.

У статті проаналізовано екзистенціональні мотиви в творчості Гайто Газданова. Розглянутий його зв'язок з вітчизняними та європейськими мислителями, визначено рух від суб'єктивної до об'єктивної прози.

Ключові слова: Гайто Газданов, проза, мотиви, еміграція.

In the article ekzistencial'ni reasons are analysed in creation of Gayto Gazdanova. Considered him zv'yazok with domestic and European thinkers, certainly motion from subjective to objective prose.

Key words: Gaito Gazdanov, prose, reasons, emigration.